

Для цитирования: Ершов Ю. Г.
Циклы истории: трагический опыт России // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 7—19.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-07-19.

УДК 321.01

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-07-19

ЦИКЛЫ ИСТОРИИ: ТРАГИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ

Ершов Юрий Геннадьевич,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема цикличности социально-исторического развития. Цикличность позиционируется как универсальная черта общественного развития, позволяющая использовать «уроки истории» в прогнозировании будущего. Особое внимание уделено анализу причин хронических срывов модернизации в России. Специфика цикличности российской истории усматривается в действии институциональной матрицы, соединяющей в монолитное целое авторитаризм и подавление частной собственности.

Ключевые слова:
цикл,
история,
авторитаризм,
модернизация,
феномен «псевдо»

Введение

Анналы любой цивилизации хранят «мудрые» изречения о неминуемой каре за невыученные уроки истории — в виде неизбежных и печальных последствий. Но и сегодня, как прежде, звучат сожаления о том, что историю опять никто не «слушает».

Кому же адресуются упреки в глухоте? Скорей всего, теоретикам, творящим фундаменталистские схемы прогресса и упоенным собственным провидческим талантом. Политикам, чуждым всякой теории и озабоченным сиюминутной «злойбой дня» — во имя сохранения собственной власти. «Широкие народные массы», как правило, знают собственную историю на уровне официальных мифов, застывших стереотипов и чудовищных предрассудков. Последние обычно имеют мало общего с реальной историей, как впрочем, и официальная историография, угождающая правящему классу¹. Все вместе они не слышат «предупреждений» истории, привычно списывая их в разряд заумных, а то и враждебных бредней от историков и философов.

Надо ли после этого удивляться, — как выражался известный виртуоз русской словесности относительно российской действительности, — тому, «что никогда такого не было — и вот опять». Жизнь общества и государства превращается в дежавю — повторение прежних проблем, ситуаций и персонажей.

Подобная ситуация типична для стран, «застрявших» в кризисах собственных преобразований. Т. Ворожейкина свою статью, посвященную анализу превращения бывшего сандиниста Ортеги в аналог свергнутого сорок два года назад (при его активном участии) диктатора Сомосы, начинает эпиграфом от никарагуанского философа. По словам Алехандро Серрано Кальдера: «Наше будущее похоже на прошлое, которое постоянно возвращается, как будто наша история — это стационарный велосипед» [9, с. 18].

Но повторы повторам рознь. Вспомним известную гегелевскую мысль об «уроках истории». «Правителям, государственным людям и народам, — писал философ, — с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно

¹ Мы отвлекаемся от проблемы исторической истины и исходим из возможности правдоподобных утверждений, следующих из инвариантного фактологического материала.

было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего. В этом отношении нет ничего более нелепого, как столь часто повторяемые ссылки на греческие и римские примеры в эпоху Французской революции» [10, с. 61—62].

Следует ли из гегелевской оценки вывод о невозможности каких-либо уроков истории вообще? Сделаем необходимые уточнения.

Во-первых, рассуждение Гегеля часто редуцируют к парадоксальной формулировке: «История учит, что ничему не учит», вызывающей «убийственный» вопрос: как же история ничему не учит, коль скоро само высказывание выглядит уроком истории. Снятие формального парадокса достигнуто уточнением содержания используемых понятий и устранением их метафорического смысла. Отмечается, что, во-первых, история не «учитель» (неодушевленный субъект) и уже по этой причине не может никого учить. Во-вторых, «ничему» и невозможно учить. Наконец, выражение «история учит» можно интерпретировать как то, что неповторимость и уникальность исторических событий вовсе не исключает определенную меру повторяемости — повторяемости ошибочных исторических решений и их последствий (войн, деградации экономики и культуры) или повторяемости непринятия правильных решений, опять же, ведущих к неблагоприятным последствиям. Инварианты, присущие психофизиологии человека, социальной организации и функциям культуры, обнаруживают себя на протяжении всей человеческой истории; они создают сходные ситуации, сходные варианты развития событий. В разные времена и у разных народов мы встречаем одинаковые сценарии дворцовых интриг и природных восстаний, однотипны поводы и причины развязывания войн. Всемирная история демонстрирует удивительно схожие фигуры диктаторов, повторы, пусть и в разных лексических формах, одних и тех же идеологических аргументов и т. п. Даже учитывая абстрактность этой инвариантно-

сти («бледного воспоминания прошлого», по Гегелю), нельзя не видеть её познавательного значения.

Цикличность имманентна Миру в целом и всей человеческой истории. Элементарные повторения в жизни человека и общества, сопряженные с универсальными природными циклами, — смена дня и ночи, времен года и т. п. составляют основу планирования и прогнозирования социальных и политических практик. Возрастание сложности общественных отношений, ускорение темпа социальных изменений, тем более радикальное реформирование социума — все это превращает знание об исторических циклах в идейный инструмент, открывающий возможности предотвращения социальных катастроф. Невежество, равносильное отрицанию национального и мирового опыта, лишает властителей оснований для поиска и принятия рациональных управленческих решений, углубляет социальный раскол и моральный кризис — главные препятствия созданию лучшего общества. Возникает заколдованный круг — невыученные уроки истории наказываются их пересдачей, но новые «ученики» снова не готовы ввиду непонимания непреходящей ценности знания о прошлом и его роли в определении смысла и контуров будущего. Пренебрежение историей чревато ошибочными решениями, несущими в себе семена катастроф и катаклизмов в развитии общества.

Обсуждение

Под цикличностью в истории «понимается совокупность процессов и явлений, составляющих кругооборот в течение определенного промежутка времени и приводящих социальную систему в исходное или подобное исходному состояние» [14, с. 335]. Цикличность истории определяется как периодическое повторение тех или иных черт (характеристик, параметров) социокультурных систем различного уровня и различного масштаба, «...или подобие событий и явлений, наблюдаемых в развитии разных обществ или в развитии одного общества на разных этапах, а также периодическое изменение направления, вектора социальных процессов» [14, с. 336]. Природа цикличности разнообразна — от сопряженности культуры, хозяйственно-экономической жизни, смены поколений и т. д. с природными ритмами, — до внутренних колебательных изменений в развитии общества или его подсистем. Опираясь на исследования

исторических циклов экономистами (Китчин, Жюглар, Лабрус, Кузнец, Кондратьев), Ф. Бродель пишет о синхронности этих циклов, их смещении, влиянии на движение целого и о возможности изучения каждого из них в относительной самостоятельности [5, с. 67]. Источником цикличности может выступать преобладание в развитии, ведущая к повторению черт предыдущих стадий, или реакция на радикальные изменения, нарушающие гомеостазис системы, и вызывающая возврат к прежнему структурному состоянию. Подчеркивается открытый характер социально-исторических циклов, что означает частичное возвращение социальной системы в исходное состояние, равно как и периодическое изменение вектора социальных изменений. По мнению А. Шлезингера-старшего, политический цикл нельзя рассматривать через образ маятника, поскольку это подразумевает колебания между двумя неподвижными точками, цикл не возвращает нацию в прежнее положение. Поэтому наиболее подходящим образом выступает спираль, в которой витки повторяются на все более высоких уровнях и аккумулируют изменения, что делает несбыточными пророчества [18, с. 43, 52]. Ф. Бродель, стремясь подчеркнуть значение истории как исключительного средства исследования, делает это через риторические вопросы: «Разве настоящее не находится больше чем наполовину во власти прошлого, упорно стремящегося выжить? И разве не предоставляет прошлое посредством своих закономерностей, своих различий и своих сходств ключ, необходимый для всякого серьезного понимания настоящего?» [5, с. 11].

Существуют разные версии цикличности всемирно-исторического процесса. Выделяются не только экономические или государственно-политические циклы, но военно-политические, социокультурные и т. п. циклы, раскрывающие ритмы истории. Модели циклической динамики строятся по разным принципам. Их разнородность приводит к частичным совпадениям, дополнениям, подтверждениям или противоречиям получаемых выводов. «Только единичные концепции циклической динамики, — считает И. В. Ефимчук, — охватывают всю историю человечества (от появления первых гоминид) или хотя бы весь период цивилизованной истории, то есть, по сути дела, эпохи производящего хозяйства. Значительный разброс наблюдается как по исходным методикам, принятым авторами, так и по датировкам

рассматриваемых ими циклов. Во многих концепциях выбор “точки отсчета”, с которой начинается построение моделей, со стороны выглядит достаточно произвольным, обусловленным вкусами и предпочтениями их создателей и не всегда полностью убедительным для читателя» [11, с. 146].

Российский и советский экономист Н. Д. Кондратьев обосновал наличие периодических циклов современной мировой экономики, продолжительностью 40—60 лет, порождающих соответствующие циклы мировой истории. Его гипотеза получила подтверждение и дальнейшую разработку в трудах современных исследователей.

Таким образом, цикличность социальных процессов может быть усмотрена по самым различным основаниям, но А. Шлезингер-младший обратил внимание на то, что подлинность цикла обусловлена его внутренней природой — «каждая новая фаза должна вырастать из состояния предыдущих противоречий, в них находя и подготавливая условия для очередного поворота. Другими словами, истинный цикл является самовоспроизводящимся» [18, с. 46—47]. Особое внимание американский историк обращает на такой параметр политического цикла, как жизненный опыт поколения, играющий роль главной движущей силы [18, с. 50]. В этом «поколенческом» контексте нельзя не вспомнить слова человека, впервые отметившего циклический характер российской истории: «Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и раздражительной. Внутреннего развития, естественного прогресса у нас нет, прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас откуда-то извне. Мы воспринимаем идеи только в готовом виде; поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед, но в косвенном направлении, т. е. по линии, не приводящей к цели» [17, с. 21].

Оригинальную интерпретацию повторяемости общественного развития предложил В. М. Кайтуков, автор психофизиологической концепции истории (его идеи, к сожалению, по сей день не получили должного теоретического осмысления). Он считал, что «разнообразие исторических событий и

идей и еще большее разнообразие индивидуальных судеб, поступков, мыслей создает иллюзию неповторимости и единственности жизненных мгновений социума. Но это в корне неверно. Ограниченное число психотипов, детерминирующих основную структуру жизненных активаций, расцветается несущественными индивидуальными чертами и подвергается воздействию внешних факторов» [13, с. 3]. Поэтому во все времена, при различных политических режимах и в разных системах общественных отношений все сущностные черты человека — мысли, мотивации, идеалы, мечты и т. п. — едины и неизменны. При всех упрощениях в концепции исторической действительности В. М. Кайтукова этот вывод заслуживает дальнейшего критического анализа.

Цикличность российской истории долгое время практически не исследовали, ограничиваясь цитированием П. Я. Чаадаева. Одним из первых стал А. Янов, писавший о России: «В какой другой стране могло случиться, чтобы одно и то же политическое нововведение понадобилось вводить снова и снова — дважды, трижды... Трагедия сталинизма столетия спустя повторила трагедии грозненской опричнины и петровского террора. В этом смысле русская история, можно сказать, постоянно беременна трагедией» [19, с. 46, 47]. Он же провидчески отметил: «...страдания, причиненные распадом империи, огромны. Имперская традиция могущественна. Жить без империи страна не умеет. Она чувствует себя осиротевшей, несчастной, обрубленной. Не успев сбросить феодальные вериги, она снова погибает от тоски по ним. И нет никаких гарантий, что и эта, вторая за столетие, попытка освободиться не кончится тем же, что и первая — сменой имперской маски» [20, с. 184]. О цикличности русской духовной жизни пишет В. Б. Пастухов, считая, что «последовательность, когда одна фаза замещает другую, может раскрыть многие тайны. В России редко получается думать и делать одновременно. Поэтому эпохи бесплодных исканий здесь чередуются с годами бессмысленных преобразований» [15, с. 49]. Сравнивая русскую идеологию с птицей Феникс, рождающейся, чтобы сгореть, и сгорающей, чтобы родиться в новой ипостаси, он выделил в ней последовательность четырех основных фаз: импорт западных идей, их адаптация к русским условиям и нуждам, ритуализация — превращение идеологии в средство бюрократического контроля, деградация — отторжение идеологии массовым сознани-

ем. Переход от одной фазы к другой — это всегда качественный «скачок», новый уровень взаимодействия идеологии, государства и общества» [15, с. 55]. Гибель гибридной идеологии и, соответственно, крах воплощающей её политической системы дает начало новому циклу. Знаменательно, что во всех перипетиях русской идеологии, по мнению В. Б. Пастухова, ее «сквозной характеристикой является апология государственного произвола. Как бы русская мысль не изощрялась, она всегда, в конечном счете, обонует самодержавие» [15, с. 55].

Глубокую разработку социокультурной методологии исследования циклов истории, ее творческого применения к истории России — от Киевской Руси до перестройки в СССР дал А. С. Ахиезер. В его определении циклов истории привлекают внимание «...колебания, пульсация тех или иных важных массовых характеристик общества. Их существование объясняется приобщением общества к природным ритмам, общим закономерностям сложных систем, их постоянной самопроверкой на прочность через периодическое приближение сложной социальной системой к некоторым крайним, реально или потенциально критическим, возможно, предкатастрофическим ситуациям» [4, с. 436]. Ахиезер, вопреки позиции А. Шлезингера-старшего, продуктивно использовал образ маятника для объяснения циклов российской истории — в единстве возвратных и поступательных движений.

В своих размышлениях о тенденциях и возможных направлениях их развития советского общества после хрущевской «оттепели» «закон маятника» формулирует писатель В. Войнович. Он пишет: «Сталинский террор был одной стороной амплитуды, хрущевская оттепель приближалась к другой. Преемники Сталина, устав пребывать в постоянном страхе за собственную жизнь и видя все-таки, что страна гниет, согласились на ограниченную либерализацию режима, но вскоре заметили, что удержать ее в рамках трудно, она стремится к завоеванию все новых позиций и дошла уже до пределов, за которыми неизбежно изменение самой сути режима. А они в режиме жить боялись, а вне его не умели. Теперь не было ни веры, ни страха. Народ распустился. ...Надо, пока не поздно, дать по рукам» [8, с. 18—19].

Циклы истории выступают как форма инерции истории, консервативная реакция на радикальные изменения в обществе, вызывающая инволюцию социальных процессов. Выступая стихийной силой истории,

циклы могут превращаться в угрозу существования общества и государства, требуя тщательного изучения — для прогнозирования и своевременного предотвращения социальных катастроф. Тем более, что серьезно разработанной классификации и типологии исторических циклов пока не существует.

Разумеется, российской истории свойственны цикличность, периодичность и волнообразность движения и развития, присущие и другим социумам и цивилизациям. Но нас интересует, в первую очередь, особый характер цикличности российской истории последних трехсот лет. О нем свидетельствуют хронически нерешаемые задачи модернизации. Как будто действует своеобразный «гироскоп» отечественной истории, постоянно возвращающий реформирование к его начальному пункту. Неизбежно возникает вопрос, вновь и вновь волнующий всех, кто встревожен судьбой Отечества и государства — что же нужно, наконец, «...чтобы прорвать этот словно бы заколдованный круг («реформы-контрреформы, революции-диктатуры»), затянувшийся в России на четыре столетия. Но что?» [21, кн. 4, с. 179].

Попробуем определить методологические контуры исследования этой сложнейшей проблемы, используя возможности синергетического подхода.

В самом общем, синергетическом виде, цикл предстает как пульсация хаоса и порядка — изменения через фазы разрушения прежней системы, острого кризиса, и период становления нового порядка.

В синергетике различают два типа кризиса: преимущественно внутреннего или преимущественно внешнего происхождения. Их разрешение может вести к выходу системы на траекторию более высокого уровня развития, или ее сохранение в прежнем состоянии, или же деградацию, примитивизацию системы. (Каждый раз речь идет о **базовых чертах системы**, что особенно важно в случае циклически возвратных движений). Тот или иной характер изменений существенно зависит от генезиса кризисной ситуации. Детерминация внешними причинами (экзогенный кризис) ведет к трансформации преимущественно идиоадаптивного характера (и в природе, и в обществе). **В эндогенном (внутреннем) кризисе адаптация происходит скорее не к спонтанным изменениям, а к последствиям собственной активности неравновесной системы, к ее новым возможностям.** Хаос, возникающий по мере разрушения прежнего по-

рядка, характеризуется взаимодействием и соперничеством аттракторов различного происхождения — как долговременно действующих, так и недавно возникших, обладающих различным «удельным весом». (В качестве аттракторов выступают ценности и идеалы, ментальные и институциональные матрицы и т. п., — имеющие как общесоциетальный, так и субкультурный характер). В действительности оба пути развития кризиса взаимодействуют друг с другом через собственные составляющие, что создает множество вариаций будущего состояния системы. Тем не менее методологически важно подчеркнуть, что в социокультурной системе, сохраняющей свою историческую идентичность (народа, страны, государства) детерминация будущего определяется, в конечном счете, внутренними причинами.

Формально начинать исследование цикличности в истории России можно с любой фазы (стадии, периода, этапа) цикла. Наш выбор определяется стадией контрреформ, поскольку именно так (в целом) можно охарактеризовать актуальное состояние российского социума. При этом будем помнить про относительность социального времени, асинхронность изменений различных подсистем общества и историческую инерцию сохранения генетически разнородных черт промежуточного общества. Последнее обстоятельство особенно значимо ввиду сохранения традиционного для России социокультурного раскола, выступающего весомым фактором смены фазы реформ консервативной реакцией.

Двойственность фазы контрреформ создается как провалом реформ, ввиду и нежелания, и неспособности к их проведению правящим классом, так и его стремлением любой ценой сохранить завоеванное политическое и экономическое господство. Страх возможной катастрофы и страх перед изменениями взаимно обуславливают друг друга, выражаясь, прежде всего, в укреплении силовых структур — росте их численности, вооружения и денежного содержания. Политическая лояльность становится главным условием управленческой карьеры и деловой активности. Более того, политический конформизм постепенно навязывается как всеобщая норма поведения. Политико-административный контроль над обществом начинает приобретать тотальный характер. Законодательство ужесточается до абсурда, предоставляя все более широкие полномочия силовым структурам и судебным орга-

нам для пресечения протестной активности и даже инакомыслия. Не менее иррациональна и правоприменительная практика, использующая надуманные поводы для демонстрации служебного рвения.

Лавинообразно растут, опять же во взаимной связи, неисполнение управленческих предписаний и усложнение административных процедур, свидетельствующих как о росте управленческой некомпетентности, так и о замыкании бюрократических структур на задачах самосохранения. Решения отменяются и пересматриваются, к ним опять возвращаются; цепь частичных, односторонних, непродуманных решений не складывается в целостное решение проблем. Внутренний механизм воспроизводства цикла транслирует архаичные виды управления и контроля из тех эпох, где цикличность была естественна и приемлема. Подобный циклизм деструктивен, коль скоро завершение цикла в большей или меньшей мере уничтожает результаты предшествующего развития культуры, организационных форм власти и управления, дискриминирует субъектов социального и культурного творчества. Более того, в рамках ценностного отторжения результатов эффективных реформ они снова воспринимаются как хаотические, непредсказуемые, катастрофические.

Складывается атмосфера общей неудовлетворенности — рост осознания бессилия и в связи с этим боязнь изменений, их возможных неконтролируемых последствий. Апатия, равнодушие, неспособность изменить положение к лучшему, все это парализующее действует и на правящий класс, и на общество. Множатся симптомы непонимания авторитарной властью содержания исторических вызовов извне и изнутри и подведения общества к новому застою.

Одним из мощных (и традиционных) сигналов перехода к фазе контрреформ служит переориентация официальных и провластных СМИ на обличение традиционных пороков европейской (сейчас — западной) цивилизации, «изначально враждебной России». Меняются тренды общественно-политического сознания — потоки бессодержательных и вторичных публикаций о правовом государстве, гражданском обществе, «естественных» правах и свободах и т. п. меняются на высоконаравственные филиппики в честь «традиционных» ценностей, «особого Пути», православной самобытности и т. д. Сбиваясь на истерический пафос, они критикуют действительно уродливые формы утилитаризма, свойственные

процессу «рекапитализации» России. Но эта критика в действительности скрывает борьбу с рациональностью разнообразных практик современного общества и связанных с ними ценностей. Лексика и риторика обличения «чужого» и восхваления «родного» местами неотличима от сопоставимых периодов царствования Николая II, Александра III и советского общества. Но возникают и новые сюжеты: поношение «гей-Европы», злорадство по поводу массового притока в неё нелегальных мигрантов, критика злоупотребления индивидуальными правами и свободами, обвинения в традиционной ненависти к России, уже не различаемой (в этом контексте) с Советским Союзом. Все это скрывает (порой бессознательно) отрицание идей и ценностей правового государства, разделения властей и т. п., все то, что без преувеличения можно отнести к цивилизационным достижениям Европы.

Официальная пропаганда по известной модели сосредотачивается на успехах и достижениях (действительных или мнимых), избегая серьезного анализа системных проблем и негативных черт. Власть щедро делится своим историческим оптимизмом, закрывая глаза на рост нищеты, имущественного неравенства, деградации образования, медицины и науки.

Интеллектуальная и организационная немощь оппозиции, борьба личных тщеславий или откровенная продажность политиков и т. п., приводят к массовому разочарованию населения в их способности отстаивать интересы людей. Прежние прозападные и пролиберальные симпатии испарились (в том числе по причине их поверхностного понимания), оставив в «сухом остатке» «проевропейское» меньшинство, разрозненное и не пользующейся поддержкой избирателей. Отвечая на запрос общества, отвращающегося фальшью идеологической вывески либеральных ценностей, скрывающей передел власти и собственности, правящая элита прибегает к очередному наступлению на права и свободы, свёртыванию социальной мобильности в обществе. Бюджетная зависимость наёмных работников в рентной по своему характеру экономике, неуклонно повышающей распределительную роль государства, превращает людей в пассивно-покорный элемент системы организации власти и управления. Анализируя причины, по которым российская бедность не провоцирует политический протест населения, В. Иноземцев отмечает: «Наличие абсолютно уязвимой для

действий властей собственности подавляет свободу внутри страны и облегчает поиск таковой за ее пределами» [12, с. 15].

В фазе контрреформ набирает силу и становится доминирующей ментальность, принимающая деспотическую власть и силовые способы контроля в качестве естественного порядка. Сами контрреформы в значительной степени представляют собой адаптацию власти к массовым настроениям. Но любые попытки властной элиты брать за основу государственного строительства культурный потенциал далекого прошлого, например, эпохи Николая I, оборачиваются воплощением в жизнь архаичной утопии.

Соответственно, мотивы и установки поведения, выражающие ценности личностной свободы, воспринимаются враждебно. Повседневность фактически отвергает личную независимость, индивидуальную инициативу, инакомыслие и т. п. «Очередное» дыхание получают идеи о наведении порядка «железной рукой, тоска по «конструктивному» деспотизму, образцом которого предстает ностальгически романтизированный сталинизм. Маниакальное стремление к достижению стабильности непрерывно расширяющейся системой запретов и репрессий закономерно оборачивается снижением эффективности, застоєм и последующей деградацией общественных отношений. Неудачи реформ, накопление их негативных последствий ведут к возложению нищажущими массами вины на реформаторов, к их неприятию вследствие ухудшения жизни людей. Вкупе с ностальгией по утраченному имперскому величию падение авторитета власти, коррупция, экономический упадок и рост преступности образуют взрывоопасный коктейль.

Сужение свобод распространяется и на чиновничью и политическую иерархии, зависящих от автократа, вынужденных (до поры) демонстрировать политическое смирение. Каждый раз это очередное «закрепление» общества — своеобразно отвечает чаяниям и настроению масс, снимая их страх перед дезорганизацией и хаосом. Мы знаем, что ключевой вопрос модернизации — способность государственной власти в приемлемые сроки (в контексте потерь и лишений населения) получить реально ощутимый результат замены устаревших политических и экономических механизмов. Провал же преобразований и угроза потери власти для правящего класса вызывают к жизни режим репрессивного авторитаризма. Он принципиально отличает-

ся от модернизационного авторитаризма, выполняющего сугубо инструментальную и промежуточную (в норме) роль создания рыночной экономики и в дальнейшем политической демократии.

Авторитаризация власти (как способ ее удержания), в фазе контрреформ возвращает единство власти и отношениям собственности, свойственное традиционному обществу. В этой ситуации частная собственность существует или сугубо номинально, или ограниченно — в зависимости от характера налоговой политики и демонстрации предпринимателями политической лояльности. Другими словами, происходит возврат к подчиненным собственникам, экономически несамостоятельным и бесправным индивидам. Разворачивается действие, по А. Аузану, константы российской истории — институциональной пары «самодержавие — крепостничество», которая, конечно, может обеспечивать экономическую деятельность, но и создает серьезные препятствия к последующему экономическому развитию [1, с. 12].

Социальные слои — носители традиционной ментальности, как и люмпенизированные группы, отторгают ценности либеральной риторики, расширяя пространство имперского реванша. Имперская тема имеет особое значение для социума, обладающего так называемым макросоциальным «лицом», т. е. представляющего самостоятельным субъектом долговременного исторического действия с весомой геополитической ролью. А. Янов специально подчеркивает значение «имперского» фактора, сыгравшего свою роль в Германии, Японии и России, в отличие от эволюционной самотрансформации Испании, Чили и Южной Кореи. В культуре последних «не было стремления «...первенствовать среди народов мира — будь то в рамках «нового порядка», как в Германии, или «сферы совместного процветания», как в Японии, или даже «мировой революции», как в России» [20, с. 11]. Империи прошлого насилием и террором обеспечивали свое господство на протяжении ряда веков. В современном мире подобные претензии химеричны и безумны, но, что кажется парадоксом, гораздо более опасны, поскольку неизбежно вызывают обострение глобальной ядерной конфронтации. Сохранение в массовом сознании имперских амбиций неумолимо придает национализму агрессивные и экспансионистские черты. Правда, срок такого национализма недолговечен, но, к сожалению, измеряется количеством цинковых гробов и братских могил.

Государство, усиливая репрессивный контроль сначала по отношению к оппозиции, затем третируя все новыми запретами общество в целом, сужает пространство социальной свободы и социального творчества. Подавление мотивации деятельных и самостоятельных агентов (социальных групп и общностей) лишает социум и государство перспектив дальнейшего развития. Консервируя социальную неразвитость и политическую пассивность значительной части населения, политический режим значительно сужает или закрывает на ближайшее время эволюционный и конструктивный выход из социально-исторического тупика. При этом правящая элита ориентирована только на те социальные изменения, которые, как ей кажется, должны усилить и увековечить ее власть. От решения сложных проблем социального и экономического развития власти отказываются в пользу решения сиюминутных задач, мер пожарного характера. Следуя примитивному эгоистическому утилитаризму, чиновники разрушают государство как организационную силу общества, используя деятельность управленческого аппарата преимущественно в личных целях.

Постоянное чередование стадий кризиса, реформ и контрреформ адаптация авторитаризма к новым историческим условиям вызывает к жизни феномен «псевдо». «Псевдо», служа формальным ответом назревшим переменам, может представлять собой как отдельные институты, так и в целом социум. Это своеобразная историческая «химера», соединяющая несоединимое — современные социальные формы и архаичное содержание. Она сама эволюционирует в связи с изменением исторических обстоятельств. В петровскую эпоху она синтезирует Табель о рангах и боярское местничество, в реформах Александра II — развитие капитализма в самодержавно-крепостнических оковах. Сегодня таков «мнимый конституционализм», в котором либерально-демократические декларации маскируют противоположные по смыслу политико-правовые практики. Химеричны заимствования ЕГЭ и Болонской образовательной системы, ведущие к деградации общего среднего и высшего образования, спортивные достижения за счет систематического применения допинга, международные саммиты и выставки и т. п., скрывающие возрастающее технологическое отставание. По А. С. Ахиезеру, особенно благоприятные условия для возникновения «псевдо» возникают при неорганичных модернизациях, «когда заимст-

вования из иной цивилизации приобретают иное ценностное содержание, интерпретируются в иной модальности, например все ценности либеральной цивилизации превращаются из самоценности в средства» [3, с. 267]. Применительно к идеологии в этом же ключе пишет о «генной инженерии» В. Б. Пастухов, рассматривая приключения западных идей в России. Они под воздействием русского «гена» перерождаются в «невиданный доселе гибрид, в котором слабо угадываются внешние признаки использованного в качестве донора «биологического материала»». Прожив нелегкую, полную мытарств жизнь, гибрид погибает, не оставив потомства. Но совершенствуется метод, и эксперимент повторяется вновь на новом «биологическом материале». Определяя конфликт западных идей и их русской интерпретации как сквозную линию всей истории отечественной идеологии, автор приходит к выводу о неизменной победе апологии государственного произвола и самодержавия, какие бы риторические формулы ни использовались [15, с. 56].

Теоретики неоднократно отмечали в качестве исторической закономерности хроническую незавершенность российских модернизаций. Но этот вывод по-прежнему не интересен политикам и чиновникам, хотя скорее — неизвестен. Между тем без понимания причин провала очередных реформ, их деградации и сползания общества в новый кризис Россия обречена на дурную бесконечность циклических повторов.

Неудачные реформы, своими управленческими патологиями накапливая негативные социальные последствия, массово отчуждают людей от нового общественного порядка. Соответственно, усиливается стремление к возврату прежних форм жизни, традиционалистских ценностей, идеалов уравнительности, пренебрежения правовым порядком. Патернализм как мировоззрение по-прежнему меняет политические свободы на гарантированный прожиточный минимум, аналогично тому, как крепостной крестьянин был уверен, что помещик не даст ему умереть с голоду. Формы «дикой» рекапитализации в России оставили большинство населения наедине со своими бедствиями, а подчас — откровенной нищетой. Возложение вины на реформаторство (и реформаторов) в массовой психологии сопрягается с утопическим желанием возврата к прошлому. Прежние формы простого жизненного уклада на временной дистанции представляются все в большей мере

«золотым веком». Протестная реакция направлена не на защиту более сложных форм культуры, но, наоборот, на восстановление и расширение сферы действия примитивных форм утилитаризма: мошенничества, грабежа, вымогательства, поиска врагов, внешних и внутренних, на которых можно списать негативные явления и неудобства жизни.

Правящие элиты во времена радикальных преобразований логикой событий принуждаются к выбору, который впоследствии будет назван в соответствии с конечным итогом выбора. Как известно, «путч не может кончиться удачей, в противном случае зовется он иначе...». Выбирается либо система ценностей инертного большинства, значительно сокращающая масштабы социальной энергии, либо создаются условия для лидерства творческого меньшинства и постепенного вовлечения большинства в новый порядок жизни. Но чаще всего стихийно складывается ситуация, при которой правящая верхушка жестоко подавляет любые действия политической оппозиции. Меньшинство диссидентов принуждается к эмиграции, внешней или внутренней, апатичное большинство населения легко манипулируется экономическими подачками и символической имперской величиной.

История важнейших преобразований в России — это история хронической неспособности высшей власти обеспечивать устойчивую и конструктивную поддержку реформ большинством общества. Реформы в первой фазе цикла предстают как непрерывная цепь выдвигания иллюзорных целей и их последующее закономерное крушение, — в силу прямого и вульгарного заимствования норм, ценностей и институтов западной цивилизации. Они, во-первых, проблематичны даже по «месту жительства» — из-за этнокультурной неоднородности. Поэтому, во-вторых, в ходе преобразований происходит постепенная подмена новых средств прежними и насыщение новых целей привычным содержанием. Крушение иллюзий сопровождается дезорганизацией социальных институтов. Возникает своеобразный колебательный маршрут, образуемый цепью переходов от одной крайности к другой. При этом закономерно множится количество управленческих ошибок и организационных патологий, резонансно углубляющих хаос в обществе, прежде всего — стремлением к крайним формам авторитаризма.

Так образуется и застывает трагическая промежуточность России — между архаикой

традиционности и современностью («псевдо»), берущая начало, по мнению автора, в петровских реформах. В каждой новой попытке Россия не столько преодолевает эту промежуточность, сколько адаптируется к ней, усиливая неорганическую форму промежуточности. Неорганичность обусловлена характером принимаемых решений — в ответ на вызовы будущего они бесплодно истощают ресурсы, создают дистрофию системы, тем самым поворачивают в прошлое.

Эти решения (стратегия, политика) и ведут к периодической смене реформ контрреформами. Управление и властвование постоянно балансируют между противоположными решениями, в которых новые формы маскируют традиционное содержание. Призывают развивать малое и среднее предпринимательство — душат его налогами и проверками, призывают развивать науку и образование — душат их бюрократическим прессом и недофинансированием. Конституция провозглашает принципы правового и социального государства, на деле оно в считанное время оборачивается авторитарным, полицейским государством. Эти решения делают невозможным полноценный диалог между гражданским обществом и государственной властью, неся в себе потенциал взаимного отторжения между ними.

Однажды возникнув, феномен «псевдо» начинает воспроизводить заколдованный круг — доминирование традиционных ценностей редуцирует смысл новых институций к прежнему порядку жизни, одновременно стимулируя рост негативного отношения к реформаторским новациям.

Промежуточный, гибридный характер общества не означает, что в нем не происходит никакого поступательного развития — даже в фазе контрреформ, при тенденции скатывания в очередной застой. Могут усложняться технологии и инфраструктура, появляться новшества в науке и технике, спортсмены становятся мировыми чемпионами и т. п. Но все это ставится на службу прежней системе ценностей, продляя на время срок существования авторитарного общества. Достигая, порой значительного успеха, в культуре и науке, сохраняя достаточно весомый статус на международной арене, в целом российское государство возвращается к отброшенным историей архаическим методам управления и жизненного порядка.

Развитие общества происходит через разрешение противоречия двух форм

социальных изменений — инверсионно-колебательного и поступательного, отличающихся друг от друга по всем параметрам — формам принятия решений, формам социальной интеграции, ментальности и т. п. Инверсионное движение (возврат к имперству, «самодержавию и крепостничеству») нацелено на достижение статичного идеала стабильности, сохранение традиционных ценностей, противостоя интенсивному и ускоряющемуся развитию либеральной цивилизации.

Контрреформы, в свою очередь, создавая репрессивный режим, вызывают к жизни стихийное сопротивление унификации, стандартизации, схематизации живого творчества. Рост городского населения, уровня образования и осведомленности о реальной жизни людей за рубежом увеличили долю приверженцев современных ценностей, среди которых на первое место вышли права человека и политическая демократия.

Данные обстоятельства не отменяют факт очередного провала идеологии абстрактного, «книжного» либерализма, разделяемого европеизированным меньшинством. Как правило, освоение идей гражданского общества и правового государства происходило поверхностно и не соотносилось конструктивно с реалиями российской повседневности. Либерально-демократическая риторика вызвала массовое отторжение населения от результатов политики уже «пещерного» либерализма. Сыграло свою роль и отторжение тех европейских ценностей, к принятию которых большая часть россиян абсолютно не готова — «гей-парады», однополые браки и т. п. Хаос слома прежних аттракторов (норм и ценностей) и разрушения нормативного порядка оживили авторитарный потенциал традиционных социокультурных матриц. Неготовность и нежелание массы «бюджетников» (того самого «глубинного народа» — по терминологии кремлевского идеолога Вячеслава Суркова) брать на себя ответственность за собственную жизнь и судьбу государства, их «бегство от свободы» стали продуцировать авторитаризм во всех его модусах. Дополнительным фактором возврата общества в привычные формы жизни стала несостоятельность местной и региональной власти полноценно и самостоятельно реализовывать свои функции. Отсюда массовые упования на первое лицо государства, единственно способного привести в чувство «бояр и дьяков». Закономерным следствием подобной ментальности

становится согласие на насилие со стороны внешнего жесткого порядка, развязывающее руки «начальству» любого уровня. Матрица авторитаризма достаточно быстро превратила разделение властей в политическую фикцию («псевдо»), скрывающую монополию исполнительной власти, в обход законодательной власти развивается практика единоличных законодательных актов. Выборная должность неотличима от назначения и обычной службы — первым лицам государственной и муниципальной службы. Судебная власть все в большей мере становится орудием политической расправы и экономического грабежа.

Важным фактором воспроизводства цикличности в смене поколений стала атомизация населения, замыкающегося в стратегиях выживания исключительно в семье и личных связях, Эмбриональные зачатки гражданского общества в условиях «войны всех против всех» начинают чахнуть и уходить в полулегальное положение, если вообще не начинают подавляться в качестве «иностранных агентов». Это стандартный прием российской власти в периодах контрреформ и «заморозки» с целью получения поддержки «снизу» и легитимации подавления оппозиции и с определенным моментом — всех инакомыслящих (ср.: «Берия — английский шпион»).

Конечно, современные версии теории модернизации допускают конструктивную роль тех или иных черт традиционного общества. В зависимости от конкретно-исторической ситуации импульс преобразований может исходить от церкви (костела), патерналистской морали, семейно-кланового предпринимательства и т. п. Но системная активизация ценностей традиционного общества в принципе не может решить назревшие проблемы дальнейшего развития, наоборот, она препятствует созданию условий для массового социального творчества на основе ценностей личной свободы и независимости. Тем самым в очередной раз отвергается логика взвешенных перемен, основанных на компромиссе и эволюционном движении.

Контрреформы, продолжая деструкцию основных — социетальных секторов общества (медицина, образование, наука, искусство и т. д.), усиливают массовое равнодушие людей к воспроизводству и интеграции институтов государства. Социокультурный раскол создает заколдованный круг — стремление одной части общества к новациям, дифференциации, прогрессу

становится энергетическим ресурсом для другой части общества в противодействии изменениям, возвращении стабильности, безмятежной архаики. Невнимание реформаторов к мощи архаики, разбуженной их преобразованиями, непонимание характера последствий предлагаемых новаций, приводят к взрыву традиционализма, отвергающего все зачатки нового, ценности либеральной цивилизации.

Заключение

Подытоживая, выделим ряд основных причин своеобразной «обреченности» российской истории на циклическую смену реформ контрреформами, «оттепелей» «заморозками», на повторение последовательности всех фаз цикла. Это, во-первых, всегда запоздалое начало реформ, соответственно, ухудшенные начальные условия. Преобразования становятся вынужденным ответом на глубокий кризис власти и экономики — вследствие, как правило, ощутимого военного поражения. По этим причинам, во-вторых, отсутствует сколько-нибудь продуманный план реформ, или он — половинчатый, компромиссный, внутренне противоречивый. В свою очередь, это еще и свидетельство интеллектуальной недостаточности реформаторов, случайный характер попадания в их ряды. В-третьих, исчерпание ресурсов и легитимности власти для поддержания стабильности общества и эффективности управления им, раскол политической элиты в отношении к изменениям. Наконец, самое главное, объясняющее фундаментальные причины конечного краха всех благих начинаний в России — сохранение (во времена реформ — латентно), в период контрреформ явно — институциональной матрицы «самодержавие — крепостничество». Именно она по сей день предопределяет все коллизии российской истории, ведущие начало от петровских реформ, в том числе и ее циклический характер.

Для понимания динамики аттракторов социума в настоящем и ближайшем будущем значим вывод социолога Л. Бызова, давно погруженного в изучение перипетий современной российской истории. Говоря о смерти коммунистической идеи уже к началу перестройки, он утверждает тезис о живучести типа «советского человека, пытающегося совместить «сильное социальное государство» с частной жизнью и слегка подкрасившегося в цвета патриотизма и православной идентичности...» [7, с. 3].

Высокая степень приспособляемости этого личностного типа к условиям жизни, диктуемым государством, делает проблематичным его активное и массовое участие в преобразовании социума на основе принятия и освоения ценностей иного порядка, культивирующих независимость и самостоятельность человека и гражданина. Управление обществом мыслится традиционно — через приобщение к государственно-бюрократической организации, игнорирующей всю многомерность и многозначность во многом противоречивой реальности, гораздо более сложной, нежели используемые управленческие схемы, препятствующие саморазвитию гражданского общества. Об этом писал П. Бурдьё: «...по мере того, как развивается процесс институционализации и возрастает мобилизационный аппарат, на практике и в настроениях беспрерывно усиливается весомость императивов, связанных с воспроизводством аппарата и предлагаемых им постов. Привязывающих к себе тех, кто их занимает, всякого рода материальными и символическими интересами в ущерб императивам стремления к достижению целей, провозглашенных аппаратом» [6, с. 217].

Динамика внешней и внутренней российской политики последних лет делает ничтожной надежду на эволюционный выход из кризиса за счет собственных политических ресурсов и сил. Другими словами, большинство населения вместо добровольного и сознательного воспроизводства государства пассивно приспособляется к снижению уровня жизни и росту запретительно-репрессивных практик. Вместо стремления конструктивно перестроить государство от него уходят в частную жизнь, из него бегут, наконец, его начинают разрушать прямым криминальным поведением или фактическим саботажем усилий государства и власти.

Как отметил А. В. Рубцов по поводу современной российской действительности, «опять ребром встает вопрос: есть ли конец у истории срывов в социальную дикость и политическую архаику или же под каждой будущей оттепелью и далее будет проступать вечная мерзлота? Даже если завтра вдруг опять свобода, любой новый акт российской модернизации, либерализации и проч. теперь долго будет восприниматься как еще один ненадежный и преходящий экскурс в заповедник будущего. А это уже проблема не участка маршрута, но самого графика движения страны в истории [16].

Отказ населения поддерживать государство в истории любого общества всегда

приводил к значительным потерям накопленного культурного богатства, регрессу в развитии человека и общественных отношений. Более того, циклическое воспроизводство социокультурного раскола, тем самым неспособности к реальной модернизации, чревато национальной катастрофой, то есть очередным крахом государства с проблематичностью его дальнейшего возрождения. Попытки же преодоления кризиса контрреформ в российской истории с помощью имперской внешней политики всегда (т. е. циклично повторяясь) приводили к результату, известному по судьбам Российской империи и Советского Союза.

1. Аузан А. Третья попытка // Новая газета. 2021. 01.03. С. 12—15.

2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. I. М. : Изд-во ФО СССР, 1991. 318 с.

3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. М. : Изд-во ФО СССР, 1991. 377 с.

4. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь). Том III. М. : Изд-во ФО СССР, 1991. 470 с.

5. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 3. М. : Прогресс, 1992. 679 с.

6. Бурдьё П. Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.

7. Бызов Л. Перестройка — наше прошлое или наше будущее? // Литературная газета. 2015. 21—27 янв.

8. Войнович В. Портрет на фоне мифа. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 192 с.

9. Ворожейкина Т. Обнуление по-никарагуански // Новая газета. 2021. № 78. 18 июля. С. 18.

10. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480 с.

11. Ефимчук И. В. Фрактальность истории. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 146—156.

12. Иноземцев В. Почем бунт лиха: почему российская бедность не провоцирует протест // Новая газета. № 78. 2021. 18 июля. С. 15.

13. Кайтуков В. М. Эволюция диктата. Опыты психофизиологии истории. М. : Благотворительный фонд «Норд», 1992. 416 с.

14. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. IV. 736 с.

15. Пастухов В. Б. Конец русской идеологии: Новый курс или новый Путь? // Полис.

Политические исследования. 2001. № 1. С. 49—63.

16. Рубцов А.В. Свобода и баррикады. URL: <http://www.vedomosti.ru/newsline/news/35971261/svoboda-i-barrikady> (дата обращения: 28.10.2021).

17. Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // Сочинения. М. : Правда, 1989. С. 15—34.

18. Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории : пер. с англ. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 688 с.

19. Янов А. Если перестройка потерпит поражение... // Общественные науки. 1990. № 3. С. 37—49.

20. Янов А. После Ельцина. «Веймарская» Россия. М. : КРУК, 1995. 320 с.

21. Янов А. Л. Русская идея. От Николая до Путина. Книга четвертая (2000—2016). М. : Новый хронограф, 2016. 320 с.

References

1. Auzan A. (2021) *Novaja gazeta*, 01 Marth, pp. 12—15 [in Rus].

2. Ahiezer A.S. (1991) *Rossija: kritika istoricheskogo opyta*. Vol. I. Moscow, Izd-vo FO SSSR, 318 p. [in Rus].

3. Ahiezer A.S. (1991) *Rossija: kritika istoricheskogo opyta*. Vol. II. Moscow, Izd-vo FO SSSR, 377 p. [in Rus].

4. Ahiezer A. S. (1991) *Rossija: kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnyj slovar')*. Vol. III. Moscow, Izd-vo FO SSSR, 470 p. [in Rus].

5. Brodel' F. (1992) *Vremja mira. Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV—XVIII vv*. Vol. 3. Moscow, Progress, 679 p. [in Rus].

6. Burd'e P. (1993) *Sociologija politiki*. Moscow, Socio-Logos, 336 p. [in Rus].

7. Byzov L. (2015) *Literaturnaja gazeta*, 21—27 January [in Rus].

8. Vojnovich V. (2002) *Portret na fone mifa*. Moscow, Izd-vo JeKSMO-Press, 192 p. [in Rus].

9. Vorozhejkina T. (2021) *Novaja gazeta*, no. 78, 18 July, p. 18 [in Rus].

10. Gegel' G.V.F. (1993) *Lekcii po filosofii istorii*. St. Petersburg, Nauka, 480 p. [in Rus].

11. Efimchuk I. V. (2010) *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 146—156 [in Rus].

12. Inozemcev V. (2021) *Novaja gazeta*, no. 78, 18 July, p. 15 [in Rus].

13. Kajtukov V.M. (1992) *Jevoljucija diktata. Opyty psihofiziologii istorii*. Moscow, Blagotvoritel'nyj fond «Nord», 416 p. [in Rus].

14. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* (2010). Vol. IV. Moscow, Mysl', 736 p. [in Rus].

15. Pastuhov V.B. (2001) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 1, pp. 49—63 [in Rus].

16. Rubcov A.V. Svoboda i barrikady. Available at: <http://www.vedomosti.ru/newline/news/35971261/svoboda-i-barrikady>, accessed 28.10.2021 [in Rus].

17. Chaadaev P.Ja. (1989) Sochinenija. «Filosoficheskie pis'ma. Pis'mo pervoe». Moscow, Pravda, pp. 15—34 [in Rus].

18. Shlezinger-mladshij A.M. (1992) *Cikly amerikanskoj istorii*. Moscow, Progress, Progress-Akademija, 688 p. [in Rus].

19. Janov A. (1990) *Obshhestvennye nauki*, no. 3, pp. 37—49 [in Rus].

20. Janov A. (1995) *Posle El'cina. «Vejmarskaja» Rossija*. Moscow, KRUK, 320 p. [in Rus].

21. Janov A.L. (2016) *Russkaja ideja. Ot Nikolaja do Putina. Kniga chetvertaja (2000-2016)*. Moscow, Novyj hronograf, 320 p. [in Rus].

For citing: Ershov Yu.G. Cycles of history: Russia's tragic experience // *Socium i vlast'*. 2021. № 4 (90). P. 07—19. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-07-19.

UDC 321.01

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-07-19

CYCLES OF HISTORY: RUSSIA'S TRAGIC EXPERIENCE

Yurii G. Ershov,

Doctor of Philosophy, Professor,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Abstract

The article deals with the problem of the cyclical nature of socio-historical development. Cyclicity is positioned as a universal feature of social development, making it possible to use the “lessons of history” in forecasting the future. Particular attention is paid to analyzing the causes of chronic disruptions in Russia's modernization. The specificity of the Russian history cyclical nature is seen in the action of the institutional matrix, which unites authoritarianism and the suppression of private property into a monolithic whole.

Keywords:

cycle,
history,
authoritarianism,
modernization,
pseudo phenomenon